

УДК 903 (571.151)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.43.57>

Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации

© 2023 г. Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.

Keywords: archaeology, social history, Altai, Rouran period, burial of an elderly man, Bulan-Koby culture, chronology

Түйін сөздер: археология, әлеуметтік тарих, Алтай, жужан уақыты, егде ер адамның жерлеуі, булан-кобин мәдениеті, хронология

Ключевые слова: археология, социальная история, Алтай, жужанское время, погребение пожилого мужчины, булан-кобинская культура, хронология

Nikolai Seregin^{1*}, Alexey Tishkin¹, Sergei Matrenin¹, Tatiana Parshikova¹

^{1*}Corresponding author, Doctor of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

¹Doctor of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: tishkin210@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: matrenins@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

Burial of an elderly man of the Rouran period from the Northern Altai: the experience of social interpretation

Abstract. The article presents the results of the study of one of the peculiar burials of the Rouran period of the Choburak-I complex. A compact necropolis of 12 objects was excavated by the expedition of the Altai State University on the area of this multi-time monument located in the Chemal district of the Altai Republic. The burial of an elderly man (over 55 years old) with a horse and representative inventory, including weapons, horse equipment, tools and household items, was investigated in kurgan No. 31a. It has been established that the object in question belongs to the Dyalan tradition of the funeral rite of the population of the Bulan-Koby culture. The analysis of the inventory, as well as the results of radiocarbon dating, make it possible to date the kurgan No. 31a to the middle – second half of the 4th century AD. The new materials are compared with the data interpreted earlier during the reconstruction of the Bulan-Koby social structure. It has been established that the elderly man during his lifetime belonged to the prosperous stratum of the society of the nomads of the Northern Altai. The preservation by this individual of all the attributes of a full-fledged member of society could be explained both by his individual characteristics and by the fact that he was a representative of a local group that made up the local elite of the nomads of the Rouran time.

Source of funding: The analysis and interpretation of the complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project №20-78-10037). Processing materials of the Choburak-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

For citation: Seregin, N., Tishkin, A., Matrenin, S., Parshikova, T. 2023. Burial of an elderly man of the Rouran period from the Northern Altai: the experience of social interpretation. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 43–57 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.43.57](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.43.57)

Николай Николаевич Серегин^{1*},
Алексей Алексеевич Тишкин¹,
Сергей Сергеевич Матренин¹,
Татьяна Сергеевна Паршикова¹

¹автор-корреспондент, тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

²тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

³тарих ғылымдарының кандидаты, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

⁴тарих ғылымдарының кандидаты, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

Солтүстік Алтайдан алынған жужан уақытының егде ер адамының жерлеуі: әлеуметтік интерпретацияның тәжірибесі

Аннотация. Мақалада жужан уақытының Чобурак-I кешеніндегі өзгеше жерлеудің біреуіндегі зерттеудің нәтижесі берілген. Алтай Республикасының Чемал ауданында орналасқан аталған әртүрлі уақыттың ескерткішінде Алтай мемлекеттік университетінің экспедициясымен 12 объектіден тұратын шағын қорым қазылды. № 31а обада атымен және қару-жарағы, ат әбзелдері, еңбек құралдары және тұрмыс заттарымен толымды құрал жабдықтарымен бірге егде ер адамның (55 жастан жоғары) жерлеуі зерттелді. Қарастырылып отырған объект булан-кобин мәдениеті тұрғындарының жерлеу салтының даян дәстүріне жататыны дәлелденді. Заттық кешенді талдау және радиоуглеродтық мерзімдеу нәтижелері № 31а обасының хронологиясын б.д. IV ғ. екінші жартысының ортасы шеңбері деп анықтауға мүмкіндік береді. Жаңа материалдар булан-кобин әлеуметінің құрылымын қайта құру жолында бұрын түсіндірілген мәліметтермен салыстырылды. Егде ер адам көзі тірісінде Солтүстік Алтайдың көшпенділер қоғамының ауқатты тобына жатқаны анықталды. Аталған жеке адамның қоғамның толыққанды мүшесінің барлық төлсіпатын сақтауы оның жеке сипаттамаларымен де, жужан уақытындағы көшпенділердің жергілікті таңдаулы тобы өкілі болуымен де түсіндірілуі мүмкін.

Қаржыландыру көзі: Кешеннің талдауы мен түсіндірілуі РФҚ № 20-78-10037 қаржылық қолдауымен іске асырылды. Чобурак – I қорымының қазба материалдарын өңдеу «Приоритет 2030» АлтМУ ЖБ ФМББМ даму бағдарламасы аясында жүргізілді.

Сілтеме жасау үшін: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Солтүстік Алтай-

Николай Николаевич Серегин^{1*},
Алексей Алексеевич Тишкин¹,
Сергей Сергеевич Матренин¹,
Татьяна Сергеевна Паршикова¹

¹автор-корреспондент, доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

²доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

³кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

⁴кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации

Аннотация. В статье представлены результаты изучения одного из своеобразных погребений жужанского времени комплекса Чобурак-I. На площади данного разновременного памятника, расположенного в Чемальском районе Республики Алтай, экспедицией Алтайского государственного университета раскопан компактный некрополь из 12 объектов. В кургане № 31а исследовано захоронение пожилого мужчины (возрастом свыше 55 лет) с лошастью и предстательным инвентарем, включавшим предметы вооружения, конского снаряжения, орудия труда и предметы быта. Установлено, что рассматриваемый объект относится к дялянской традиции погребального обряда населения булан-кобинской культуры. Анализ предметного комплекса, а также результаты радиоуглеродного датирования позволяют определить хронологию кургана № 31а в рамках середины – второй половины IV в. н.э. Новые материалы сопоставлены с данными, интерпретированными ранее в ходе реконструкции устройства булан-кобинского социума. Установлено, что пожилым мужчиной при жизни относился к зажиточной прослойке общества кочевников Северного Алтая. Сохранение данным индивидом всех атрибутов полноценного члена социума могло объясняться как его индивидуальными характеристиками, так и тем, что он являлся представителем локальной группы, составлявшей местную элиту номадов жужанского времени.

Источник финансирования: Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФ №20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

дан алынған жужан уақытының егде ер адамының жерлеуі: әлеуметтік интерпретацияның тәжірибесі. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1(19). 43–57-бб. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.43.57](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.43.57)

Для цитирования: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации. *Археология Казахстана*. 2023. № 1(19). С. 43–57. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.43.57](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.43.57)

Введение

Основой организации древних и средневековых обществ являлась половозрастная стратификация, которая определяла место людей в производственной сфере, а также в отношениях, связанных с потреблением материальных ресурсов [Андреев 1971: 13–25; Калиновская 1982: 59–62; Артемова 1993: 48–52; и др.]. Возраст, измерявшийся в традиционных социумах не только числом прожитых лет, но и способностью к выполнению определенных функций, выступал одним из главных факторов, влиявших на статус полноценных членов общества и предписывавших им конкретные права и атрибуты [Кон 1979: 202–227]. В связи с этим в обобщающих работах, посвященных различным аспектам социальных реконструкций по материалам раскопок археологических памятников, значительное внимание уделяется проблеме выделения возрастных ступеней и установления присущих им маркеров материальной культуры [Алексин 1975: 50; Бунятян 1985: 58–71; Ольховский 1995: 89–90; Матвеева 2000: 138–155; Тишкин, Дашковский 2003: 169–183, 340–356; и др.].

В первые десятилетия XXI в. получен значительный объем информации о различных аспектах социальной истории кочевников Алтая последней четв. I тыс. до н.э. – I-й пол. I тыс. н.э. на основе результатов анализа погребальных комплексов [Серегин, Матренин 2020: 21–132]. При этом наиболее проблемной остается интерпретации статуса пожилых людей. В значительной степени такая ситуация обусловлена немногочисленностью документированных и введенных в научный оборот сведений о захоронениях покойных старше 55 лет – возрасте, обычно рассматриваемом как биологическая граница наступления старости [Мамонова и др. 1989: 50–53]. Данное обстоятельство определяет актуальность публикации новых археологических источников, информативных для разноплановых исследований по обозначенной проблематике. В настоящей статье представлены результаты изучения погребения пожилого мужчины, открытого в процессе исследований некрополя Чобурак-I на территории Северного Алтая.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на остепненной террасе правого берега р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). На данном памятнике раскопана представительная серия объектов различных хронологических периодов, среди которых особое место занимает небольшой могильник булан-кобинской археологической культуры. Некрополь, полностью исследованный экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи, включал 12 курганов. В ходе раскопок выявлены непогребенные захоронения семи мужчин, трех женщин, подростка и ребенка [Серегин и др. 2019; 2022; и др.]. Анализ антропологических материалов, осуществленный С.С. Тур, позволил выделить погребение пожилого человека, умершего в возрасте старше 55 лет (курган № 31а).

Рис. 1. Расположение памятника Чобурак-I
1-сур. Чобурак-I ескерткішінің орналасуы
Fig. 1. Location of the Choburak-I site

Обозначенный объект размещался в ряду небольших курганов, выстроенных с северо-востока на юго-запад и содержавших исключительно мужские могилы. Его наземная конструкция представляла собой насыпь размерами $3,6 \times 2,4$ м и высотой 0,3–0,44 м, сложенную из рваных булыжников и валунов среднего и малого размера. По внешнему контуру наброски лежали более крупные камни, формировавшие овальную крепиду, ориентированную продольной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 2, А). В границах выкладки выявлена могильная яма овально-вытянутой формы (размерами $2,7 \times 0,9$ м). Установлено, что длина и ширина могилы заметно сокращались по мере увеличения глубины, и в итоге на уровне дна ее параметры составили 2,2 м, а ширина – 0,57–0,7 м.

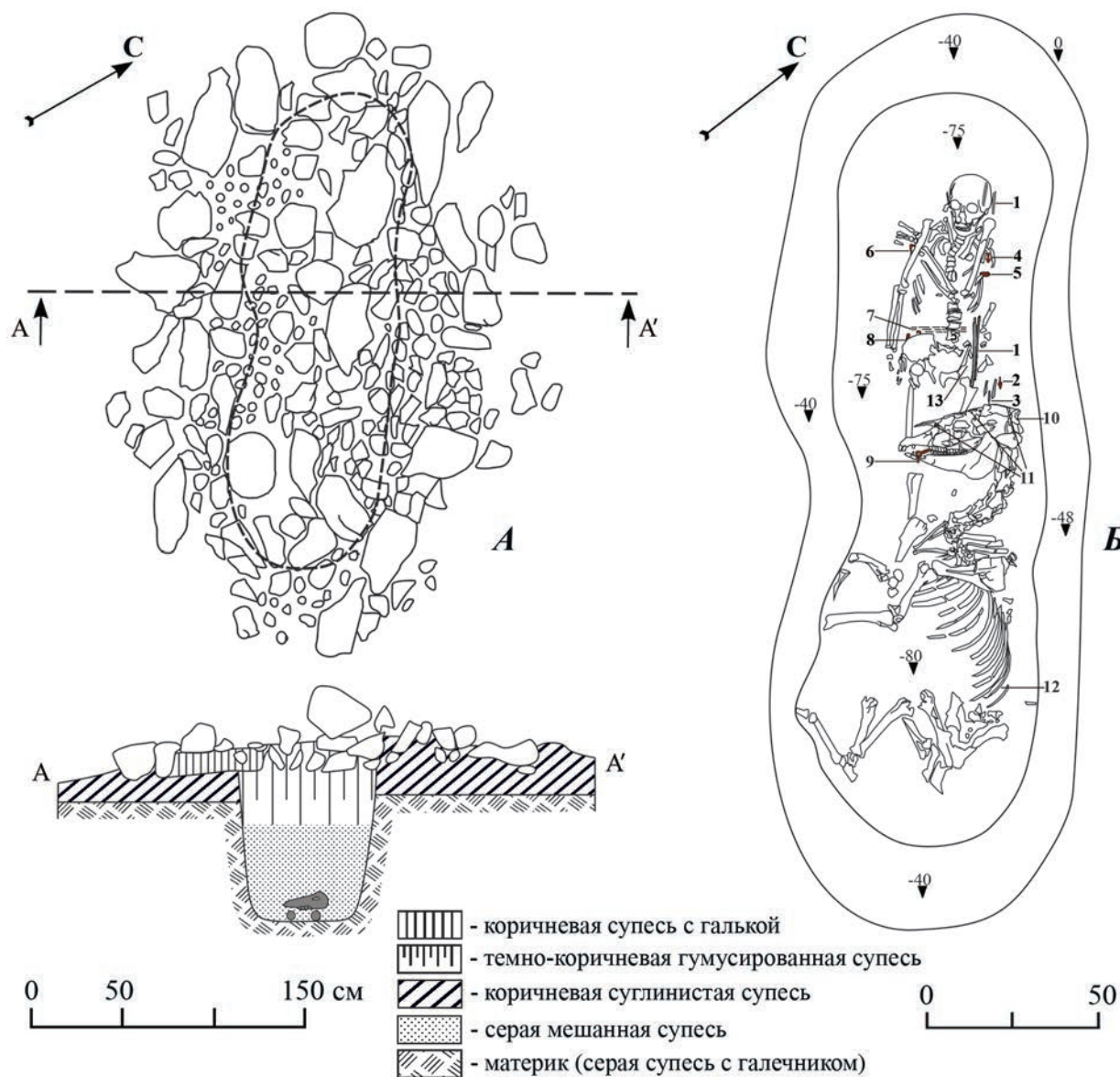

Рис. 2. Чобурак-I, курган № 31а: А – план и разрез погребального сооружения; Б – план погребения человека с лошастью (1 – накладки на лук; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – костяной наконечник стрелы; 4 – колчаный крюк; 5 – бляха-накладка; 6 – пряжка; 7 – элементы пояса; 8 – нож; 9 – удила; 10 – уздечная пряжка; 11 – детали узды; 12 – подпружная пряжка; 13 – кости мелкого рогатого скота)

2-сур. Чобурак-I, 31а-оба: А – жерлеу құрылысының жоспары мен қимасы; Б – адамды атымен жерлеу жоспары (1 – садақ жапсырмасы; 2 – жебенің темір ұшы; 3 – жебенің сүйек ұшы; 4 – қорамсақ ілгері; 5 – жапсырма; 6 – айылбас; 7 – белдік элементтері; 8 – пышақ; 9 – ауыздық; 10 – жүген жібі; 11 – жүген бөлшектері; 12 – тартпа айылбасы; 13 – ұсақ малдың сүйектері)

Fig. 2. Choburak-I, burial mound no. 31a: A – plan and section of the burial structure; B – burial plan of a man with a horse (1 – lining for a bow; 2 – iron arrowhead; 3 – bone arrowhead; 4 – quiver hook; 5 – badge-plate; 6 – buckle; 7 – belt elements; 8 – knife; 9 – bit; 10 – bridle buckle; 11 – details of the bridle; 12 – girth buckle; 13 – bones of small cattle)

В северо-западной половине ямы, на глубине 0,75 м от уровня древнего горизонта, находился скелет пожилого мужчины в анатомическом порядке. Покойный лежал вытянуто на спине, и головой был ориентирован на северо-запад. Правая рука человека размещалась вдоль корпуса, левая была сильно согнута в локте, а ее кисть находилась под правым плечом (рис. 2, Б). С умершим обнаружен разнообразный погребальный инвентарь, состоявший из предметов вооружения, снаряжения и орудий труда (рис. 3–6).

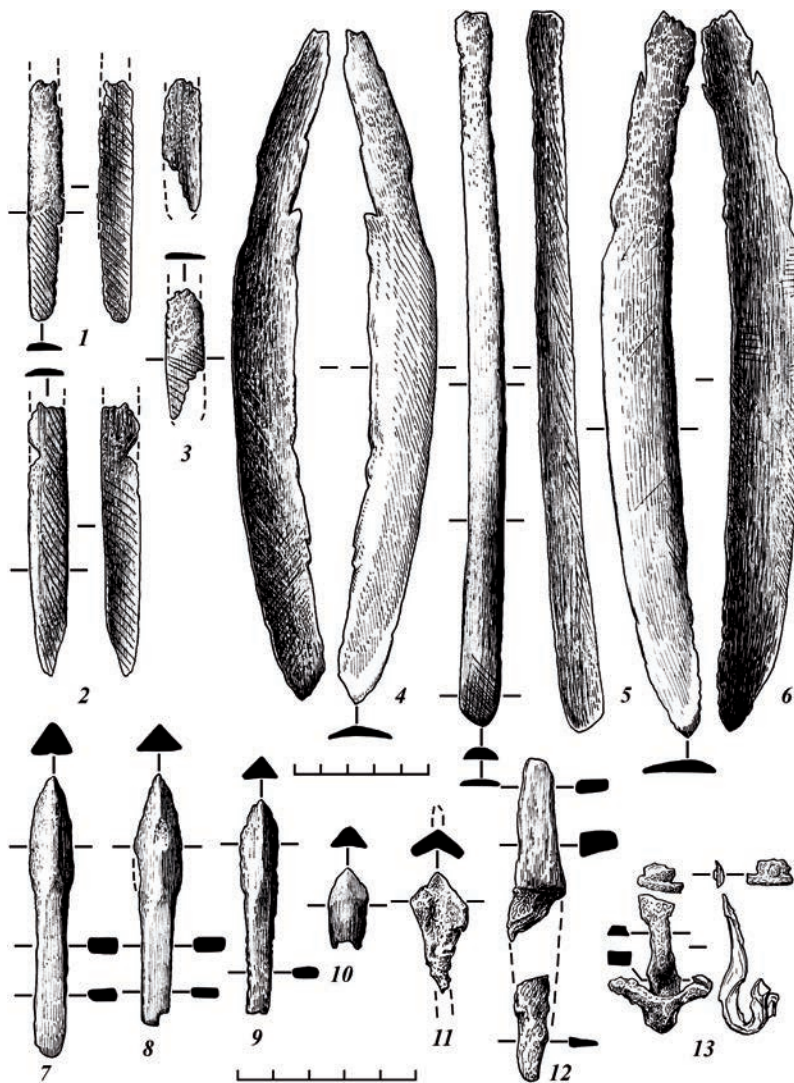

Рис. 3. Чобурак-I, курган № 31а. Предметы вооружения, снаряжения и орудия труда из погребения: 1–6 – накладки на лук; 7–11 – наконечники стрел; 12 – нож; 13 – колчаный крюк. 1–10 – кость, рог; 11–13 – железо

3-сур. Чобурак-I, 31а-оба. Қару-жарақ заттары, жерлеу орнынан алынған жабдықтар мен еңбек құралдары: 1–6 – садақ жапсырмасы; 7–11 – жебе ұштары; 12 – пышақ; 13 – қорамсақ ілгері.

1–10 – сүйек, мүйіз; 11–13 – темір

Fig. 3. Choburak-I, kurgan no. 31a. Items of armament, equipment and tools from the burial: 1–6 – linings for a bow; 7–11 – arrowheads; 12 – knife; 13 – quiver hook. 1–10 – bone, horn; 11–13 – iron

ружен разнообразный погребальный инвентарь, состоявший из предметов вооружения, снаряжения и орудий труда (рис. 3–6). На левой половине скелета найдены костяные (роговые) накладки составного лука: на черепе лежали концевые боковые накладки на верхнюю часть киби́ти (рис. 3, 1–3), и слева от таза – пара срединных боковых (рис. 3, 4, 6) и одна тыльная (рис. 3, 5). У левого плеча выявлены железный колчаный крюк (рис. 3, 13) и железная бляха-накладка (рис. 4, 1). Рядом с костями кисти левой руки найдена железная пряжка (рис. 5, 13). У левого бедра лежали четыре роговых и один железный наконечники стрел, обращенные остриями вниз (рис. 3, 7–11). Выше тазовых костей зафиксированы разнообразные детали железной гарнитуры наборного пояса: две пряжки с подвижным язычком (рис. 5, 14, 15); девять блях-накладок, фиксировавшихся с помощью одного или двух шпеньков (рис. 4, 2–10); не менее семи блях-полуобойм с кольцами, сохранившимися в большинстве своем фрагментарно (рис. 4, 11–15, 17–19, 26–28); «блок-кольцо» овальной формы (рис. 4, 20); обломки креплений разной конфигурации (рис. 4, 21–25, 29–33).

Погребенного человека сопровождал верховой конь, уло-

Рис. 4. Чобурак-I, курган № 31а. Железные детали ременной гарнитуры
4-сур. Чобурак-I, 31а-оба. Белдік гарнитурасының темір бөлшектері
Fig. 4. Choburak-I, kurgan No. 31a. Iron parts of the belt headset

женный на правый бок с сильно согнутыми конечностями и ориентированный головой на северо-запад. Животное перекрывало скелет умершего мужчины до середины бедренных костей. Между челюстей лошади находились железные удила (рис. 5, 1). У основания черепа обнаружена уздечная пряжка с подвижным язычком и поврежденной рамкой, снабженная пластинчатым щитком (рис. 5, 2). На лобной части головы коня зафиксированы пять железных округлых блях со шпеньками (рис. 5, 3–6, 10), три пластины, возможно, являющиеся наконечниками ремней (рис. 5, 7–9), и тренчик ремня (рис. 5, 11). За спиной лошади, в области поясничного отдела позвоночника, выявлена железная подпружная пряжка (рис. 5, 12).

Анализ материалов

Ключевыми признаками рассматриваемого погребения некрополя Чобурак-I являются: большая насыпь с овальной крепидой, длинная могильная яма, ингумация человека с ориентировкой головой на северо-запад, а также сопроводительное захоронение лошади частично поверх покойного. Обозначенные характеристики относятся к эталонным показателям дялянской традиции обрядности кочевников Алтая, которая не имеет генетических истоков в похоронной практике населения региона предшествующего скифо-сакского времени (2-я пол. VI – III в. до н.э.) и не получила продолжения у тюрков раннего средневековья [Серегин, Матренин 2016: 161–162]. Достаточно необычно выглядит расположение верхних конечностей умершего мужчины. Другой своеобразной деталью является мясная пища, которая не фиксируется в погребальном ритуале большинства групп булан-кобинцев, проживавших во II–V вв. н.э. на территории Северного Алтая [Серегин, Матренин 2016: 69].

Обнаруженный сопроводительный инвентарь включает разнообразные категории предметов. Морфологический анализ находок, а также их сопоставление с материалами из археологических комплексов Алтая и сопредельных территорий эпохи Великого переселения народов позволяют установить хронологию публикуемого погребения.

Зафиксированные части сложносоставного лука в виде костяных (роговых) пластин, судя по наличию срединных боковых накладок с дуговидным абрисом (рис. 3, 4, 6), относятся к образцам, получившим распространение у кочевников Алтая во II–V вв. н.э. [Горбунов 2006: 16–17; Тишкин и др. 2018: 42]. Аналогичную дату в контексте комплексов булан-кобинской культуры имеет железный черешковый наконечник стрелы с трехлопастным пером ассиметрично-ромбической формы (рис. 3, 11; 6, 5) [Мамадаков 1990: 56, 61; Тишкин и др. 2018: 54].

В составе воинского снаряжения хронологически показательным является железный колчан-крюк с поперечной планкой (рис. 3, 13; 6, 6), который по своему оформлению близок экземплярам III – начала IV в. н.э. из Восточного Забайкалья и Северного Китая [Yu Junyu 1997: fig. 7, 3; Зюзин 2008: 168]. Подобные изделия обнаружены в комплексах Центрального Алтая, относящихся к сер. IV – 1-й пол. V в. н.э. [Матренин 2017: рис. 2; Тишкин и др. 2018: табл. 14, 2]. Верхнюю хронологическую границу их бытования в рассматриваемом регионе маркируют единичные находки из раннетюркских комплексов 2-й пол. V – 1-й пол. VI в. [Илюшин 2000: рис. II, 6; V, 9].

Поясные железные бляхи-накладки подквадратной и прямоугольной формы (рис. 4, 4–10; 6, 9–11) из прямой пластины со шпеньковым креплением, а также в виде пластины-полуобоймы с подвижным кольцом (рис. 4, 11–19; 6, 13) зафиксированы на Алтае уже во II – 1-й пол. III в. н.э. и использовались булан-кобинцами до V в. н.э. включительно [Соенов, Эбель 1992: рис. 44; Бобров и др. 2003: рис. 6, 29–31; 7, 3–5, 7, 11, 12, 17, 19, 32, 33; 11, 25–27; 13, 12, 13; 17, 12; Матренин 2017:

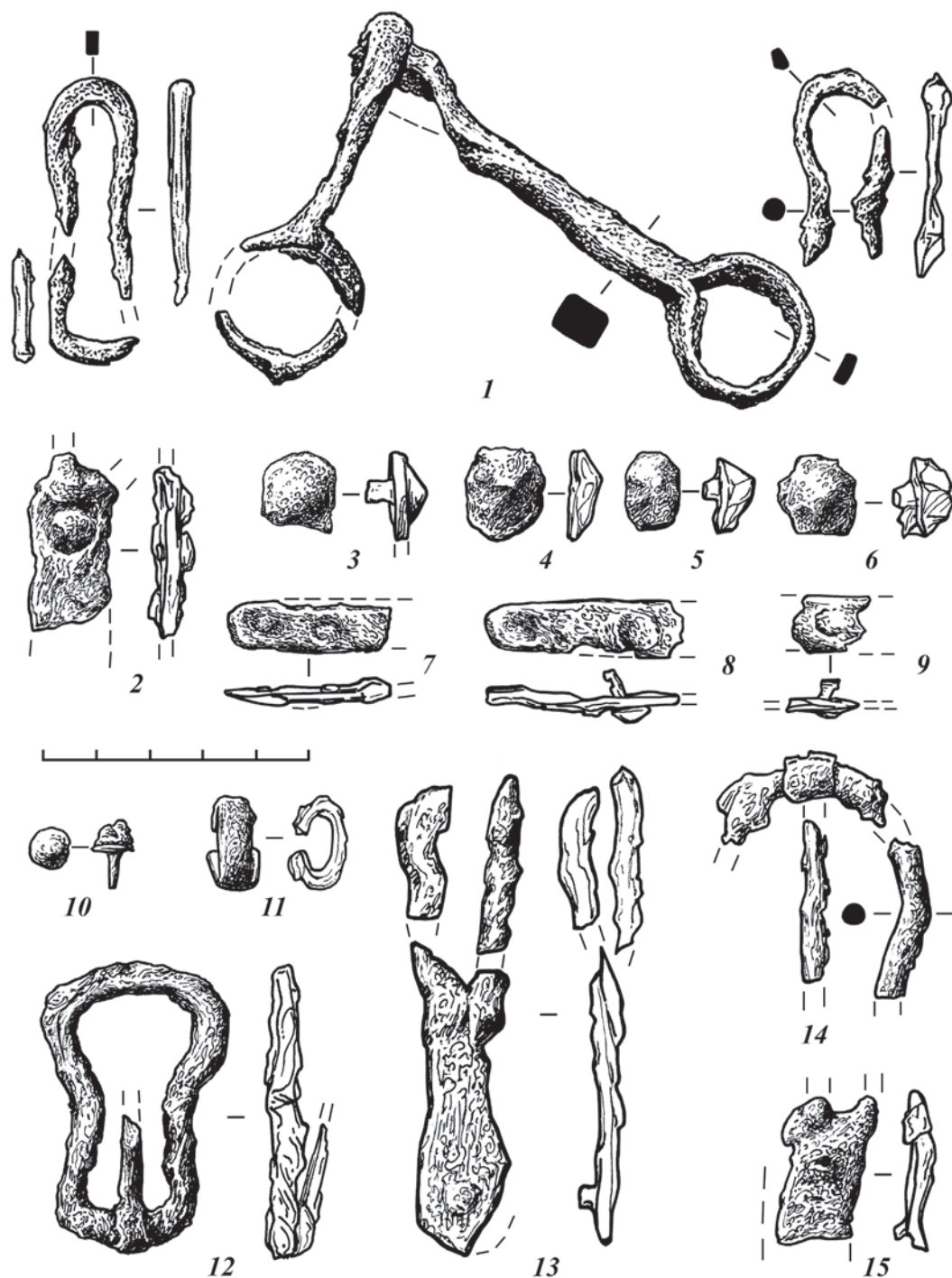

Рис. 5. Чобурак-I, курган № 31а. Железные детали конской узда (1–11),
подпружная (12) и поясные (13–15) пряжки

5-сур. Чобурак-I, 31а-оба. Жылқы жүгенінің темір бөлшектері (1–11),
тартпа (12) және белдік (13–15) айылбастары

Fig. 5. Choburak-I, kurgan no. 31a. Iron parts of a horse bridle (1–11), girth (12) and belt (13–15) buckles

62, 64, 66, 72, 75; Тишкин и др. 2018: 82, 88, 89–90]. Поясные бляхи с вытянуто-прямоугольным абрисом (рис. 4, 2, 3; 6, 8, 12) получили массовое распространение в данном регионе во 2-й четв. I тыс. н.э. [Матренин 2017: 62, 73]. Широкую датировку в рамках II–V вв. н.э. имеют пряжка с подвижным язычком и пластинчатый щиток (рис. 5, 13), железная бляха-накладка, вероятно, от колчана (рис. 4, 1; 6, 7) и «блок» овальной формы (рис. 4, 20; 6, 14) [Матренин 2017: 48, 95; Тишкин и др. 2018: 96].

Среди амуниции верхового коня наиболее поздними являются железные бляхи-накладки со вставным шпеньком и конической или полусферической шляпкой, вмонтированным в корпус четырехугольной в сечении пластины (рис. 5, 3–6; 6, 16, 18–21). Судя по имеющимся наблюдениям, такие декоративные изделия появились на Алтае не ранее сер. IV в. н.э. [Матренин 2018: 189]. При этом точные аналогии им известны в материалах могильника Верх-Уймон [Соенов 2000: рис. 10, 1–5], датирующегося 2-й пол. IV – V в. н.э. Железные удила с крюковым соединением и кольчатыми окончаниями звеньев без псалиев, снабженные петлями вытянуто-овальной формы (рис. 5, 1), близки экземплярам из объектов булан-кобинской культуры того же периода [Соенов 1998: рис. 1, 7, 9; Матренин 2018: рис. 1, 1–8; Тишкин и др. 2018: табл. 30, 5, 7, 9]. Железный тренчик от конского суголовья (рис. 5, 11; 6, 22) своим обликом напоминает металлические зажимные бляхи-скобы, использовавшиеся кочевниками Алтая в IV–V вв. н.э. для украшения поясных и уздечных ремней [Тишкин и др. 2018: 82–83, табл. 19, 3–8; 22, 15–22]. Остальные категории конского снаряжения из железа, представленные пластинами-накладками, являвшимися, возможно, наконечниками ремней (рис. 5, 7–9), подпружной пряжкой с подвижным язычком и восьмерковидной рамкой (рис. 5, 12; 6, 17), судя по известным аналогиям среди поясных гарнитур, имели продолжительный период существования в рамках II–V вв. н.э. [Матренин 2017: 48, 90–91].

Для установления даты публикуемого объекта показательными являются роговые наконечники стрел с черешковым насадом и трехгранным листовидным пером (рис. 3, 7–9; 6, 1–3). Подобные изделия относятся к достаточно редкой для населения Алтая модификации изделий. Единичные аналогии им известны в материалах некрополей Верх-Уймон и Дялян [Тетерин 2004: рис. 7, 1; Соенов 2017: рис. 14, 5], датирующихся 2-й пол. IV – V в. н.э. Нижняя хронологическая граница появления таких наконечников у кочевников рассматриваемого региона пока не установлена.

Результаты анализа сопроводительного инвентаря (с учетом самых поздних вещей) позволяют определить время сооружения кургана № 31а некрополя Чобурак-I в рамках сер. – 2-й пол. IV в. н.э. Это заключение подтверждается данными радиоуглеродного датирования двух образцов, осуществленного в Лаборатории Центра ¹⁴ХРОНО по исследованию климата, окружающей среды и хронологии (г. Белфаст, Северная Ирландия; аналитик – С.В. Святко) (табл.).

Таблица – Результаты радиоуглеродного датирования материалов из погребения кургана № 31а некрополя Чобурак

Кесте – Чобурак-I қорымы 31а-обасы жерлеуінен алынған заттарды радиокеміртекті мерзімдеу нәтижелері

Table – Results of radiocarbon dating of materials from burial mound no. 31a of the Choburak-I necropolis

Шифр	Объект	Образец	AMS ¹⁴ C, BP	Калиброванная дата (2 σ)
UBA-45466	Чобурак-I, курган № 31а	кость лошади	1701±22	257–399 AD
UBA-45467	Чобурак-I, курган № 31а	кость человека	1727±21	252–382 AD

Основные аспекты социальной интерпретации

Материалы, полученные в ходе исследования кургана № 31а некрополя Чобурак-I, достаточно информативны с точки зрения установления прижизненного статуса пожилого мужчины. В ходе интерпретации учитывались полученные ранее результаты изучения социальной организации населения булан-кобинской культуры Алтая, основанные на системном анализе погребальных комплексов [Матренин 2005; Серегин, Матренин 2020: 73–84, 88–89, 92–98].

Важным фактором, который следует учитывать при определении особенностей положения умершего мужчины, является то, что курган № 31а относится к дялянской традиции обрядовой практики. Установлено, что ее носители выступали доминирующей группой кочевников Северного Алтая в предтюрокское время, составляя местную элиту [Серегин, Матренин 2020: 123–130]. Очевидно, что курган № 31а не принадлежал к числу наиболее «выдающихся» объектов некрополя Чобурак-I, но при этом рассматриваемое захоронение принципиально не отличалось от других погребений памятника по совокупности базовых характеристик.

Результаты палеодемографического анализа захоронений последней четв. I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. с антропологическими определениями свидетельствуют, что с учетом показателя среднего возраста смерти (36 лет), у булан-кобинцев старость наступала уже в интервале 45–50 лет. При этом удельный вес индивидов, доживших до 55 лет и более, составлял всего 3,7% [Серегин, Матренин 2020: 74, 77, 80; табл. 8]. Особенностью большинства мужчин, умерших в возрасте от 55 лет, являлось отсутствие сопроводительного инвентаря (54%) или наличие в могилах одиночных изделий, не являвшихся социальными маркерами [Кирюшин и др. 1992: 125–127; Бобров и др. 2003: 177; Молодин и др. 2004: 217–218; Слюсаренко и др. 2008: 45; и др.]. Данную ситуацию со значительной степенью вероятности можно рассматривать как свидетельство типичного для традиционных обществ снижения значения пожилых мужчин в системе жизнеобеспечения, особенно в такой важной сфере, как военное дело.

Принимая во внимание представленные наблюдения, можно констатировать специфику прижизненного статуса пожилого человека из кургана № 31а некрополя Чобурак-I. Главным аргументом для такого вывода является тот факт, что в рассматриваемом захоронении присутствовали разнообразные предметы, входившие не только в «социальный стандарт»¹ погребального обряда мужчин предтюрокского времени (оружие дальнего боя в виде лука и железного наконечника стрелы, наборный пояс, нож и костяные наконечники стрел) [Серегин, Матренин 2020: 72], но и достаточно редкие категории снаряжения (колчаный крюк-застежка стрелкового пояса, железная обкладка от колчана, удила, уздечная и подпружная пряжки, уздечные бляхи и другие элементы конской амуниции). Таким образом, мужчина, несмотря на свой преклонный возраст, сохранил все атрибуты полноценного члена общества. Вероятно, важным фактором стала его принадлежность к локальной группе, занимавшей высокое положение в обществе кочевников Северного Алтая жужанского времени [Серегин, Матренин 2020: 96–97]. При этом в рамках коллектива, оставившего некрополь Чобурак-I, он относился к зажиточной прослойке населения, в которую также входили мужчины 30–35 и 40 лет, похороненные в расположенных по соседству курганах № 31 и 34а. Пожилой мужчина отличался от более молодых соплеменников только скромным стрелковым набором, включавшим один железный и четыре роговых наконечника стрел.

¹ Элементы, зафиксированные в более чем 50% захоронений людей определенного пола

Представленные материалы с учетом полученных ранее результатов изучения археологических комплексов Алтая последней четв. I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. показывают вариативность прижизненного статуса отдельных пожилых мужчин в социальной структуре населения булан-кобинской культуры, который мог быть обусловлен одновременным влиянием различных факторов (состояние здоровья, этническое происхождение, уровень материального благосостояния представителя конкретного семейно-родственного коллектива и др.). Вероятно, возрастная дифференциация булан-кобинцев не представляла собой систему жестких и замкнутых групп.

Заключение

Результаты изучения материалов, полученных в ходе раскопок кургана № 31а некрополя Чобурак-I, предоставляют основания для установления относительной хронологии этого объекта в рамках сер. – 2-й пол. IV в. н.э., что подтверждается результатами радиоуглеродного датирования. Судя по зафиксированным особенностям ингумации с верховым конем, данное захоронение оставлено носителями дялянской традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской археологической культуры. Сопоставление качественного и количественного состава сопроводительного инвентаря с подобными сведениями о других погребальных памятниках Алтая последней четв. I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. позволяет сделать вывод о том, что пожилой мужчина при жизни относился к зажиточной прослойке населения. Сохранение данным индивидом всех атрибутов полноценного члена общества могло объясняться как его индивидуальными характеристиками, так и тем, что он являлся представителем локальной группы, составлявшей местную элиту номадов Северного Алтая в предтюркский период.

Публикуемые материалы уточняют имеющиеся сведения о социальной стратификации населения булан-кобинской культуры на рубеже эпох поздней древности и раннего средневековья. Полученные результаты демонстрируют перспективы дальнейших исследований, направленных на выявление факторов, влияющих на формирование прижизненного статуса представителей различных возрастных групп в обществах кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Алекшин В.А.* К вопросу о методике реконструкций социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований / Отв. ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз. Л.: Наука, 1975. С. 49-53.
- 2 *Андреев И.А.* О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного к классовому обществу // Советская этнография. 1971. № 2. С. 13-25.
- 3 *Артемова Ю.А.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Наука, 1993. С. 40-70.
- 4 *Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- 5 *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1985. 228 с.
- 6 *Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- 7 *Зюзин А.В.* Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 168-169.
- 8 *Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157-169.

- 9 Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем // Советская этнография. 1982. № 1. С. 59-62.
- 10 Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катуни // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: БГПИ, 1992. С. 125-130 (текст), 222-226 (рисунки).
- 11 Кон И.С. Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука / Отв. ред. Ю.В. Маретин, Б.Н. Утилов. Л.: Наука, 1979. С. 202-229.
- 12 Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- 13 Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д.Б. Шелов. Л.: Наука, 1989. С. 50-84.
- 14 Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- 15 Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.
- 16 Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- 17 Матренин С.С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 188-195.
- 18 Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 256 с.
- 19 Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85-98.
- 20 Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- 21 Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.
- 22 Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4. С. 51-68.
- 23 Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1. С. 122-133.
- 24 Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2008. Вып. 7. С. 42-57.
- 25 Соенов В.И. Удила и псаии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93-98.
- 26 Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. № 5. С. 48-62.
- 27 Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. № 8 (20). С. 117-142.
- 28 Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.
- 29 Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2004. С. 37-82.

- 30 Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
- 31 Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
- 32 Yu Junyu. Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. № 11. P. 42-48 (на кит. яз.).

REFERENCES

- 1 Alekshin, V. A. 1975. In: Masson, V. M. (ed.). *Predmet i ob'ekt arheologii i voprosy metodiki arheologicheskikh issledovaniy (Subject and object of archaeology and issues of methods of archaeological research)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 49-53 (in Russian).
- 2 Andreev, I. A. 1971. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 2, 13-25 (in Russian).
- 3 Artemova, Yu. A. 1993. In: Popov, V. A. (ed.). *Rannie formy sotsialnoy stratifikatsii (Early forms of social stratification)*. Moscow: "Nauka" Publ., 40-70 (in Russian).
- 4 Bobrov, V. V., Vasyutin, A. S., Vasyutin, S. A. 2003. *Vostochnyi Altay v epohu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) (Eastern Altay in the era of the Great Migration of Peoples (3rd – 7th centuries))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ. (in Russian).
- 5 Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsialnykh rekonstruktsiy v arheologii (na materiale skifskikh mogilnikov IV–III vv. do n.e.) (The methodology of social reconstructions in archaeology (on the material of the Scythian burial grounds of the 4th–3rd centuries BC))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- 6 Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaia v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatelnoe vooruzhenie (oruzhie) (Military affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part II: Offensive weapons (weapons))*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 7 Zyuzin, A. V. 2008. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Etnokulturnaya istoriya Evrazii: sovremennye issledovaniya i opyt rekonstruktsiy (Ethnocultural history of Eurasia: modern research and reconstruction experience)*. Barnaul: "Azбука" Publ., 168-169 (in Russian).
- 8 Ilyushin, A. M. 2000. In: Molodin, V. I. (ed.). *Pamyatniki drevneturkskoy kultury v Sayano-Altai i Tsentralnoy Azii (Sites of ancient Turkic culture in the Sayano-Altai and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 157-169 (in Russian).
- 9 Kalinovskaya, K. P. 1982. In: *Sovetskaya jetnografiya (Soviet ethnography)*, 1, 59-62 (in Russian).
- 10 Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A., Mamadakov, Yu. T. 1992. In: Umanskiy, A. P. (ed.). *Voprosy arheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epohi metalla (Issues of Archaeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age)*. Barnaul: Barnaul Pedagogical University Publ., 125-130, 222-226 (in Russian).
- 11 Kon, I. S. 1979. In: Maretin, Yu. V., Putilov, B. N. (ed.). *Aktualnye problemy etnografii i sovremennaya zarubezhnaya nauka (Actual problems of ethnography and modern foreign science)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 202-229 (in Russian).
- 12 Mamadakov, Yu. T. 1990. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e. (Culture of the Central Altai population in the first half of the 1st millennium AD)*: abstract of the dissertation ... Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).
- 13 Mamonova, N. N., Romanova, G. P., Haritonov, V. M. 1989. In: Shelov, D. B. (ed.). *Metodika polevykh arheologicheskikh issledovaniy (Methods of field archaeological research)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 50-84 (in Russian).
- 14 Matveeva, N. P. 2000. *Sotsialno-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) (Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the early Iron Age (forest-steppe and subtaiga zones))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 15 Matrenin, S. S. 2005. *Sotsialnaya struktura naseleniya Gornogo Altaya hunno-syانبийского времени (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov bulan-kobinskoy kultury II v. do n.e. – V v. n.e.) (The social structure of the population of Gorny Altai in the Xiongnu-Xianbei period (based on the materials of the burial sites of the Bulan-Koba culture of the 2nd century BC – 5th century AD))*: abstract of the dissertation ... Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).
- 16 Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Equipment of the nomads of Altai (2nd century BC – 5th century AD))*. Novosibirsk: SO RAS Publ. (in Russian).

- 17 Matrenin, S. S. 2018. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniya aktualnykh problem evraziyskoy arheologii* (Modern Solutions to Actual Problems of Eurasian Archaeology). Barnaul: Altai University Publ., 188-195 (in Russian).
- 18 Molodin, V. I., Polosmak, N. V., Novikov, A. V., Bogdanov, E. S., Slyusarenko, I. Yu., Cheremisin, D. V. 2004. *Arheologicheskie pamyatniki ploskogoriya Ukok (Gornyi Altai)* (Archaeological sites of the Ukok Plateau (Gorny Altai)). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ. (in Russian).
- 19 Olkhovskiy, V. S. 1995. In: *Rossiyskaya arheologiya* (Russian archaeology), 2, 85-98 (in Russian).
- 20 Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebalnyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* (The funeral rite of the nomads of Altai in the 2nd century BC – 11th century AD). Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 21 Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2020. *Sotsialnaya istoriya naseleniya Altaya v epohu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* (The social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (2nd century BC – 14th century AD): based on materials from archaeological complexes). Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 22 Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2019. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* (Theory and practice of archaeological research), 4, 51-68 (in Russian).
- 23 Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2022. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography), 1, 122-133 (in Russian).
- 24 Slyusarenko, I. Yu., Bogdanov, E. S., Soenov, V. I. 2008. In: Soenov, V. I. (ed.). *Izuchenie istoriko-kulturnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* (The study of the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University Publ., 42-57 (in Russian).
- 25 Soenov, V. I. 1998. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (ed.). *Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekovie* (Saddle horse equipment in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages). Barnaul: Altai University Publ., 93-98 (in Russian).
- 26 Soenov, V. I. 2000. In: Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya* (Antiquities of Altai). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University Publ., 48-62 (in Russian).
- 27 Soenov, V. I. 2017. In: Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii* (Antiquities of Siberia and Central Asia). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University Publ., 117-142 (in Russian).
- 28 Soenov, V. I., Ebel, A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epohi na Verhney Katuni* (Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun). Gorno-Altaysk: Gorno-Altay State Pedagogical Institute Publ. (in Russian).
- 29 Teterin, Yu. V. 2004. In: Hudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentralnoy Azii* (Military affairs of the peoples of Siberia and Central Asia). Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 37–82 (in Russian).
- 30 Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K. 2003. *Sotsialnaya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epohi* (Social structure and system of worldviews of the population of Altai in the Scythian era). Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 31 Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syanbiysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* (Altai in the Xianbei-Zhuzhan time (based on the materials of the Stepushka site)). Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 32 Yu Junyu. 1997. In: *Wenwu*, 11, 42-48 (in Chinese).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.01.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 14.02.2023.

